

УДК 316.323, 316.74

С.А. Шаронова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ СИМВОЛИКИ КАК ФАКТОР ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ОБЩЕСТВЕ

Толерантность современного общества провоцирует сложные процессы искажения религиозных ценностных ориентаций, которые в свою очередь способствуют ценностной деградации секулярного общества. Исследователи в области социологии религии активно изучают только одну составляющую – ценностную деформацию секулярной культуры, однако мало уделяют внимания другой составляющей – трансформации конфессиональных ценностей. Рассматриваются интерпретативные зоны религиозной символики. Предстоит выяснить, насколько активно они способны оказывать влияние на формирование ценностных ориентаций в обществе.

Ключевые слова: религиозная символика, ценностные ориентации, интерпретация, секулярная культура.

Введение

Любая религия обладает религиозной символикой, свойственной только ей одной. В понятие религиозной символики входят: предметы, действия, тексты, изображения, речевые формулы, образы сознания и т. д., представляющие религиозные значения и смыслы, отличные от собственных свойств и содержания [1]. Носителями религиозных значений и смыслов является Святая Церковь. Она призвана формировать соответствующие сознание и отношения у верующих. От толкований (интерпретаций) религиозных символов зависит качественная составляющая ценностных ориентаций как в среде верующих, так и в секулярном обществе. По мнению Никласа Лумана, «Каждая система анализирует и реагирует на другие, основываясь на свои конкретные категории интерпретации мира, и никогда не происходит прямой передачи из одной системы в другую» [2. С. 53]. В данной статье мы попытаемся рассмотреть, как интерпретируются религиозные понятия в различных системах: церковь, общество, социальная практика в лице рекламы, наука с позиции социологии, – и понять, насколько эти интерпретации соотносятся друг с другом, а также их влияние друг на друга.

Отношение внутри Церкви к интерпретации религиозной символики

Источником интерпретации православной символики выступают священные писания. Однако Библия представляет собой не жесткие однозначно воспринимаемые рекомендации к действию, а целый кладезь притч, требующих разъяснения. С другой стороны, текст Библии претерпел несколько переводов на разные языки. Каждый перевод означал в той или иной мере интерпретацию исходного текста. В богословских науках изучением толкований Священного Писания занимаются две дисциплины – экзегетика и герменевтика. Соответственно обозначенным проблемам толкования текста Библии каждая из этих дисциплин решает специфические задачи. Если для экзегетики важно понимание и трактовка смысла Священного Писания, то герменевтика анализирует лексику, грамматику и экспрессивно-стилистические качества текста. Обе дисциплины объединяет стремление правильно реконструировать исходные смыслы, сообщенные человечеству Божественным Откровением. В православном понимании Божественное Откровение включает в себя Священное Писание и Священное Предание. Именно опора на Священное Предание создает ретроспективу опыта Церкви, который в свою очередь позволяет находить ответы на проблемы современности, не имеющих эксплицитного отражения в библейских текстах.

Кроме того, христианская церковь состоит из нескольких конфессий: католической, православной, протестантской. И каждая из них имеет собственные подходы в трактовке библейских текстов. Так, для православия – это святоотеческая (патристическая) экзегетика. Как отмечает Архимандрит Платон (Игумнов), говоря об интерпретации нравственной категории *долг*, «...в православном учении о нравственном долге нет того элемента гордости, который присутствует в практической протестантской деонтологии с ее подчеркиванием собственного достоинства личности и долгом человека перед самим собой... С другой стороны, Православию чужда и практическая мораль католицизма с ее делением на спасение и совершенство, на евангельские заповеди и евангельские советы, на должное и сверхдолжное» [3].

Православные экзегеты говорят: чтобы добраться до сути, до смыслового ядра священного текста, необходимо учитывать в Библии наличие четырех «уровней» текста, или «смысловых слоев»:

- 1) исторический смысл, или буквальный;
- 2) аллегорический, или типологический;
- 3) топологический, или этический;
- 4) анагогический, или мистический [4. С. 289].

Все четыре уровня текста взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они переплетаются и должны толковаться как нечто цельное и законченное. И такое толкование возможно только в Церкви, которая одна является хранительницей апостольской традиции толкования и понимания текста.

В свою очередь, секулярные религиоведы выделяют три подхода в толковании библейских текстов.

Существует несколько подходов толкования:

– Рациональный подход ставит разум выше Писания. Как отмечает А.А. Гусейнов, европейская культура «на первое место ставит знания, а в самих знаниях – его рационально-научные формы». По его словам, рационализм пытается ограничить мораль «законом достаточного основания. Христианство исходит из совершенно другого образа человека, оно предполагает в нем нечто такое, что не умещается в эмпирические границы мира и не может быть предметом положительного знания» [5].

– Мистический подход ставит чувства и переживания выше авторитета Писания. Интуитивный опыт познания Бога называется мистическим, так как считается, что его передача выходит за рамки языка. Наиболее полно смысл этого подхода сформулировал анонимный автор труда под названием *The Cloud of Unknowing*, написанного в XIV в., чье высказывание Ноулс перевел на современный английский язык: «... Забудь всякие создания, которые когда-либо сотворял Бог, и деяния их, так чтобы мысли твои и желания твои не управлялись или не тянулись за кем-то из них, ни в общем, ни в частности...» [6].

– Догматический подход ставит теологическую систему выше авторитета Писания. Внутри этого подхода существует три теории. Теория одного источника. Возникновение этого подхода относится ко второму столетию, когда патристические богословы стали развивать идею о санкционированном способе толкования определенных мест Священного Писания в контексте исторической преемственности христианской Церкви, в последствии получившего название «традиционного толкования Писания».

– Теория полного отрицания Предания. С точки зрения радикальных богословов XVI в., например, Томаса Мюнстера и Каспара Швенкфельда, каждый человек, находясь под водительством Святого Духа, может толковать Священное Писание так, как ему кажется правильным. Таким образом, была проложена дорога индивидуализму, который ставит частное суждение отдельного человека выше соборного суждения Церкви.

Отличительной чертой взглядов экзегетов и религиоведов состоит в том, что ни один верующий не подвергает сомнению авторитет Священного Писания и уж тем более не ставит «выше Писания» – разум, чувства или «теологическую систему».

Восприимчивость Церковью социальных идей

Однако Церковь как социальный институт тоже находится под влиянием обуревающих идей, захватывающих общественное сознание. Так, идеи социальной справедливости 19-го столетия породили церковное движение «социальное христианство». Православные священники находили в Библии подтверждение для реализации на практике конкретных форм экономических и управленческих отношений. Церковь из имманентного состояния трансляции духовных и моральных ценностей перешла к активным действиям. Как отмечает И.В. Воронцова, «Булгаков в работах 1904–1907 гг. отделил социализм от марксистской идеологии и разделил его на экономический и политический, чем показал, что возможен нейтральный экономический социализм, который, может быть, и вправе быть соединен с христианством. <...> Философ считал, что связь религиозного сознания и экономической деятельности должна быть привязана «не только к определенной догматике, но и еще более к практическим выводам религии» [7].

«Социальное христианство» С. Н. Булгакова и членов ХББ отличалось от протестантской версии, изложенной в трудах В. Глэддена, У.Д. Блисса, Ф. Пибоди, У. Раушенбуша и др. Русская православная научно-богословская школа искала ответы на три мучающих современников того времени

вопроса: отношение к власти и царю, к социальному неравенству и справедливости, к труду и политике. Изменения назрели и необходимость их была очевидна, но они должны быть кардинальны, следуя логике марксистов. Именно этому противостояли последователи движения «социальное христианство». Американская протестантская школа акцентировала внимание на сохранение и незыблемости принципов капитализма. В качестве «строительного материала» моделирования практики и русские, и американские мыслители предлагали христианскую этику. Таким образом, используя одни и те же священные тексты, оправдание своим идеям они находили в интерпретации их. Здесь в сугубо теологическое изучение священных писаний вмешались методологические конфессиональные разногласия и социальные теории.

Современные теории постмодерна оказывают такое же сильное влияние на церковь. Главные постулаты плюрализма, толерантности лежат в основе расширения экуменического движения. Как отмечает диакон Илья Маслов: «Особый взгляд постмодернистов на мир, их образ мира, включает в себя и новый образ теологии. Этот образ <...> является историческим, относительным и личностным» [8]. Применение этих категорий постмодернистской культуры к богословию означает следующее: догматы, каноны, литургия и сама Библия исторически обусловлены, и их понимание должно меняться; они относительны, потому что живут в контексте определенной культуры, а значит, нет раз и навсегда определенного мерила веры и благочестия; Откровение в первую очередь лично, а не церковно, то есть посылается не церкви как народу Божию, а каждому индивидуально, причем каждый индивид сам является «соавтором» Богу и строит с Ним отношения, исходя из личных убеждений. Можно предположить, что личностный подход в богословии («богословие личности» как направление современной богословской мысли), столь модный сегодня, есть по сути одна из версий либерального индивидуализма, приобретающего в постмодерне ключевое значение» [9].

Поскольку догматические различия между православной церковью и римско-католической церковью не являются абстрактными, вторичными или необязательными, то экуменическое наступление идет на поведенческом уровне. Технологии этой политики рассчитаны «не на формальное богословское объединение, а на тактику гибкого проникновения на уровне глубинных базовых ценностей через “диалог любви”» [10].

Главным инструментом данных технологий выступает интерпретация понятий, трансформирующая базовые представления православия. Ярким примером служит недавний Всеправославный собор. Болгарские духовники выступили с критикой данного документа: «В целом этот документ *терминологии*, входящей в открытое противоречие с традиционным православным богословием и языком святых отцов. Иногда используются *двусмысленные выражения*, которые не стремятся уточнить понятия, как это было на Вселенских соборах, а, напротив, сознательно затуманивают и размыывают их. Имеются даже и некоторые *явно неправославные формулировки*» [11].

Священник Дмитрий Ненароков подверг детальному анализу тексты высказываний председателя Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московского патриархата митрополита Иллариона (Алфеева) о грядущем соборе, которые ярко иллюстрируют поведенческий подход современной теологии: «С начала 60-х годов ведется подготовка к Всеправославному собору; он не будет Восьмым вселенским собором, потому что в древних Вселенских соборах участвовала и Восточная церковь, и Западная церковь; сейчас Западная церковь проводит свои Соборы, а православная восточная церковь – свои; поэтому мы не называем грядущий Собор «Восьмым Вселенским», а называем его просто Всеправославным; в отличие от Вселенских соборов, на которых всегда решался какой-либо догматический вопрос и осуждалась та или иная ересь, грядущий Всеправославный собор не будет принимать никаких догматических решений – на нем предполагается поднять вопросы, связанные с современным бытием Православной церкви; более того, этот Собор вообще не будет решать вопросы: он лишь провозгласит то, что будет решено Поместными православными церквами заранее, на этапе подготовки к нему». В своих комментариях священник Дмитрий Ненароков подчеркивает, что «говорящий изначально подменяет смысл понятия «Вселенский собор», словно бы не знает, что Вселенский собор – это собор Христовой церкви, к которой Западная церковь, впадшая в папистскую латинскую ересь, никоим образом не относится» [12].

Результатом технологических игр интерпретации базовых понятий стал отказ 14 предстоятелей поместных церквей принять участие во Всеправославном соборе. Среди отказавшихся приехать крупнейшая православная церковь – русская, а также церкви Болгарии, Грузии и Антиохии.

Неоднозначно было воспринято русским православием встреча Патриарха Кирилла и Папы Римского. Определенная часть верующих и некоторые священники восприняли это как навязывание экуменических норм совместных молитв на фоне «ухода» на поведенческий уровень, при этом избегая разрешения догматических разногласий. Учитывая процесс возрождения православия в России, набирающем все большую силу и приобретающем качественное наполнение в нормах поведения и мышлении верующих людей, – такие экуменические тенденции несут определенную угрозу как церкви, так и российскому обществу в целом.

Национальная идентичность – индикатор базовой составляющей национальной культуры

Самоидентификация личности – это необходимое условие сохранения целостности общества, это доказал еще Дюркгейм в своей работе «Самоубийство». Однако процесс самоидентификации личности может проходить в разных ценностно-нормативных зонах: этнической культуры, религиозной культуры, субкультуры и т.п. Многочисленные этносоциологические исследования, проводившиеся в России на протяжении 1970–1990-х гг. учеными Л. М. Дробижева (1985), Ю. В. Арутюнян (1978), Т. С. Гузенкова и А. Д. Коростелев (1995) и др., показывают, что традиционная культура является устойчивым элементом этногрупповой идентификации и дифференциации.

Как отмечает Рыжова [13. С. 63]: «Исторически вопросы этничности не были для русских значимыми. В досоветской России этноним "русские" употреблялся на основе идентификации, основанной на религиозной вере и подданстве единому государству. В советское время также практически не существовало значимой питательной "базы" для формирования широко осознаваемой русской этничности в силу того, что интересы доминирующего народа в значительной части совпадали с провозглашенными государственными ценностями. Социальная общность "советский народ" конструировалась на базе языкового и культурного приоритета русских, и поэтому у русских советская идентичность в значительной мере перекрывала этническую». Тем не менее православие пронизывает всю историю "русского общества". В императорской России жизненный цикл русских был подчинен православному календарю. Все они были воцерковлены – ходили в храм, исповедовались и причащались, участвовали в молебнах и крестных ходах [14]. О том, что современная православная идентичность – это преимущественно культурная идентичность, писали исследователи постсоветской религиозности: М. П. Мчедлов (2005 г.), Н. Митрохин (2006 г.), Г. С. Широкалова и А. В. Аникина (2007 г.), Е. А. Кублицкая (2009 г.) и др. Эта тенденция достаточно устойчива, она стала фиксироваться с начала 1990-х гг., то есть фактически сразу же после крушения советской идеологической системы. Исследователи отмечают, что в массовом возрождении религиозности проявляется "культурообразующая функция" традиционных конфессий. По мнению С. В. Рыжовой [13. С. 60]: «религиозную составляющую конфессиональной идентичности, представляющую собой личное самоопределение человека в отношении к Богу, согласно М. Веберу, можно рассматривать в качестве ее мировоззренческой основы».

А. Г. Давыденкова, Т. И. Козлова, В. Г. Баев акцентируют внимание на том, что в нашей стране культурная идентичность «я – православный» оказывается шире, чем собственно религиозная идентичность «я – православный крестьянин». В качестве доказательства этого утверждения они приводят высказывание Патриарха Алексия II, что современный человек может считать себя православным не обязательно потому, что он верует в Бога, а и потому, что он крещенный, живет в стране с православными традициями и "через традиции и национальную культуру ощущает духовное родство с церковью" [15. С. 110]. В своем исследовании С. В. Рыжова [13. С. 65] отмечает, что «численное доминирование православного русского (по самоидентификации и культуре) населения в РФ естественным образом ориентирует государство на взаимодействие с Русской православной церковью как выразителем духовных и культурных интересов большинства. Не имея юридического статуса традиционной религии (ввести который призвал законопроект депутата Госдумы А. В. Чуева "О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации"), православие тем не менее реально обладает этим статусом. В экспертном заключении на указанный законопроект директор Института государственно-конфессиональных отношений и права И. Понкин отметил, что религия становится традиционной на территории государства не потому, что ее таковой признают в Думе, а потому, что она является традиционной де-факто, – то есть в качестве религии, признаваемой исторически "своей" народом (или большой социальной группой), интересы которого обязано учитывать государство.

Имманентное влияние религиозных ценностей на коррекцию ценностных ориентаций в обществе

Концепция Э. Дюркгейма о религии явилась продолжением идей Просвещения о доминировании разума над религией, потому что в основе лежало его убеждение, что «общество есть синтез человеческого сознания». Именно это убеждение стало точкой бифуркации в восприятии религии обществом. Практически признавая религию, Дюркгейм проложил дорогу к ее секуляризации. Каждое последующее поколение «освобождалось» от «религиозного гнета» и, как сказал Патриарх Кирилл, «узаконивало свое грехопадение».

И тем не менее религия продолжает играть ключевую роль в формировании ценностных ориентаций в обществе. Однако это не явное назидательное или законодательное влияние, а имманентное. В 2011 г. Русская православная церковь разработала проект документа «Вечные ценности – основа российской идентичности», подготовленный Синодальным отделом под руководством протоиерея Всеволода Чаплина. Как заявил протоиерей Всеволод Чаплин, список стал «плодом дискуссий» РПЦ с «рядом политических партий» и «общественных слоев». Однако ни религиозная общественность, ни секулярная не приняли этот документ. Священник Павел Адельгейм так высказался об этом документе: «Этот документ бросает вызов совести христианина. Христиане принимают в качестве “вечных” такие ценности, которые засвидетельствовало Слово Божие, как вечные ценности. В документе ОВЦО казалось естественным найти Евангельское понимание вечных ценностей. Горько читать церковный документ, который навязывает христианам в качестве «вечных» политические, социальные и прочие временные ценности» [16]. Недоумение вызвал документ и у гражданского общества, поскольку не понятна была цель составления данного перечня (URL: <https://lenta.ru/news/2011/01/25/values/>).

О том, что православные ценности на протяжении всей истории развития русского государства играли главенствующую роль в формировании ценностных ориентаций общества, высказался Сергей Миронов (2012), лидер партии Справедливая Россия: «Даже во времена советского принудительного атеизма этические принципы христианской общности не были изжиты в нашей стране. И даже больше. Под лозунги о “перековке” и воспитании “нового человека”, эти принципы, хоть и под другими названиями, нередко использовались для целей общественного строительства. Из традиции был взят тот минимум, без которого моральные скрепы, соединяющие общество, неизбежно распадаются, вопреки любому политическому контролю».

Имманентное влияние религиозных ценностей на ценностные ориентации западного общества просматривается в актах сопротивления французских родителей против предмета «Азбука равенства». Борьба против этого предмета объединила французов самого разного происхождения: католики, предпочитающие частное образование, и мусульмане из районов победнее теперь вместе думают, как противостоять новой педагогике. Как отмечают Андрей Баранов, Евгений Полойко [17]: «Попытка социалистов переписать закон “о семье” и легализовать искусственное оплодотворение для лесбийских пар вывела на улицы Парижа до полумиллиона человек. Правительство пошло на попятную: рассмотрение семейных законопроектов отложено».

Заключение

Практически всеми учеными: политологами, философами, социологами, историками, культурологами, антропологами, – признается тот факт, что секулярная культура любого сообщества базируется на традиции доминирующей в нем религии. Не смотря на турбулентность современных процессов – глобализация, интенсивная миграция, – культура продолжает опираться на исторически сложившиеся ценности конкретного общества, где фундаментальным ядром остаются религиозные ценности. Тем острее встает проблема подрыва культурных корней с помощью технологии интерпретации религиозных понятий, подмены их смыслов. Разрушая Церковь, общество теряет свою почву, размывает ценностные ориентации.

Интерпретация религиозной символики зависит от двух точек зрения: «извне», что соответствует современным социологическим подходам, и «изнутри», что соответствует теологическим подходам. Вопрос заключается в том, чтобы выстроить мостик между теологией и социологией. Без решения этого вопроса, как видно из статьи, зоны интерпретаций остаются внутри каждой системы (религия, культура, практика, общество), и диалог в понимании происходящих процессов остается невозможным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Религиоведение: учеб. пособие и учеб. словарь-минимум по религиоведению / под ред. проф. И.Н. Яблокова. М.: Гардарики, 2000.
2. Furseth I., Repstad R. An Introduction to the Sociology of Religion. /Classical and Contemporary Perspectives. Surrey: Ashgate Publishing Limited Wey Court East Union Road Farnham. 2013.
3. Архимандрит Платон (Игумнов). Православное Нравственное Богословие. URL: <http://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/pravoslavnoe-nravstvennoe-bogoslovie-igumnov/>.
4. Гусейнов А.А. Мораль и разум // Научные и вненаучные формы знания. М., 1996. С. 183-201.
5. Мень А. Прот. Библия и история ее толкований. Минск, 1997.
6. Knowles D. The English Mystical Traditions. London: Burns and Oates. 1961.
7. Давыденков О. Протоиерей, Катихизис. Введение в догматическое богословие. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 2000.
8. Miller J.B. The emerging postmodern world, in Burnham, F.B. (ed), Postmodern theology: Christian faith in a pluralist world, 1-19. San Francisco, CA: Harper & Row. 1989.
9. Диякон Илья Маслов. Дорога в никуда. Недоумения о «современном богословии». 9.12.2015. URL: <http://www.blagogon.ru/digest/655/>.
10. Четверикова О. Встреча в Гаване как спецоперация иезуитов. 16-02-2016. URL:http://communitarian.ru/publikacii/tserkovnaya_analitika/vstrecha_v_gavane_kak_specoperaciya_iezuitov_15022016/.
11. Болгарские духовники направили Патриарху Неофиту письмо-прошение о предстоящем Всеправославном соборе. URL: <http://amin.su/content/analitika/9/4410/>.
12. Священник Димитрий Ненароков подверг уничтожающей критике итоговые документы совещания в Шамбези и соглашение между Патриархом Кириллом и папой Римским Франциском. URL: <http://www.soborjane.ru/stoyanie-v-istine/svyashhennik-dimitrij-nenarokov-podverg-unichtozhayushhej-kritike-itogovye-dokumenty-soveshhaniya-v-shambezi-i-soglashenie-mezhdu-patriarhom-kirillom-i-papoj-rimskim-franciskom>.
13. Рыжова С.В. Становление православной идентичности русских: традиционно-культурные и гражданские основания // Социс. 2010. № 12. С. 59-68.
14. Громыко М.М., Буганов А.В. Взгляд на русских людей. М.: Паломник. 2000.
15. Давыденкова А.Г., Козлова Т.И., Баев Т.И. Старообрядчество в культуре России: философские и социально-правовые аспекты: монография. СПб.: Изд-во Института юриспруденции и предпринимательства, 2015.
16. РПЦ отказалась от христианских ценностей? 3 февраля. URL: <http://adelgeim.livejournal.com/60080.html>.
17. Баранов А., Полойко Е. Во Франции родители борются против экспериментов над детьми в школах. 15 февраля 2014. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/31590>.

Поступила в редакцию 05.05.17

S.A. Sharonova**INTERPRETATION OF RELIGIOUS SYMBOLS AS AN INFLUENCING FACTOR ON THE FORMATION OF VALUE ORIENTATIONS IN SOCIETY**

The tolerance of today's society provokes complex processes of distorting religious values which in their turn bring about value degradation of the secular society. Researchers in the fields of sociology and religion actively study only one constituent of the problem which is value deformation of the secular culture, whilst giving little attention to the other problem, namely, transformation of confessional values. The article attempts to reveal interpretative zones of religious symbolism. It is to clarify how actively the symbols influence the formation of value orientation in the society.

Keywords: religious symbolism, value orientations, interpretation, secular culture.

Шаронова Светлана Алексеевна,
доктор социологических наук, профессор
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
E-mail: s_sharonova@mail.ru

Sharonova S.A.,
Doctor of Sociology, Professor
People's Friendship University of Russia
(RUDN University)
Miklukho-Maklaya st., 6, Moscow, Russia, 117198
E-mail: s_sharonova@mail.ru